

РАСКАЗЫ

ПОХОРОНИЛИ, КАК ШЕВАРДНАДЗЕ

— Пеняйте на себя, — бросила собравшимся Татьяна и с силой хлопнула дверь «газели». От резкого хлопка фраза эхом разлетелась во все стороны. Деревенские зеваки, скопившиеся в переулке — отъезд соседей — это чрезвычайное событие, — и наблюдавшие, как грузили в машину нехитрый скарб, вопросительно переглянулись. Тогда ответ Татьяны никто из односельчан не прокомментировал. Не комментируют и сейчас. Мерзопакостная история произошла с Наумовыми в деревне.

Саня в семье Наумовых появился по неопытности, Ваня — по необходимости, но оба, как положено, по большой любви. Их родителей свела в семью учеба в колледже. Татьяна поступила учиться на киповца, чтобы работать потом в белом халатике на сложном производстве. Серега записался в электромонтажники только потому, что в этой группе были свободные места. Таня и Серега приглянулись друг другу, начали встречаться. По городским устоям «встречаться» означает «переспать», что ребята и сделали, теперь они были городскими. Серега основательно подготовился к серьезному, когда в первый раз, мероприятию: просмотрел ролики, расспросил невзначай парней, сходил в аптеку. Он отлично справился с поставленной задачей.

Со временем в нехитрое дело затянуло обоих. Вместе с дипломами парочка получила на руки справку о беременности Татьяны и повестку из военкомата для Сереги. Справка о беременности и повестка из военкомата помогли им зарегистрироваться в загсе вне очереди, так что девушка, выросшая в деревне, а в деревнях все еще считается бесчестьем вынашивать ребенка вне брака, избежала стыда перед медиками, подругами и односельчанами. Татьяна с гордостью выпячивала растущий живот, а обручальное кольцо носила постоянно. Новость о беременности подруги Серега сразу сообщил родителям, хотя очень переживал, что те будут против скоропалительного брака. Родители, вникнув в ситуацию, пошли навстречу, совместили свадьбу и проводы сына на срочную службу. Сэкономили существенно.

Свадьбу отгуляли шумно, как в сказке, три дня и три ночи. Первый день в доме невесты, второй день в доме жениха, третьи сутки тоже в доме жениха после возвращения толпы провожающих из призывного пункта. Серега отправился служить Родине, Татьяна осталась жить у свекрови. Живот, то есть ребенок, рос не по дням, а по часам. В положенный срок ребенок не без труда выкарабкался на белый свет из пуза мамки. Саньку обрадовались, как-никак, первый сын и первый внук. Обрадовались, но расходы тратили на него мизерные: малыша не кормили, только мамку; бумажные памперсы не покупали, нашлись натуральные льняные простыни советской эпохи, отбеленные десятилетиями стирок. Погремушек надарили соседи.

Феруза Борисовна Ибраева родилась и жила в Узбекистане, преподавала в университете. В 2012 переехала в Республику Башкортостан, на этническую родину. Повесть «В городе, где нет тараканов» опубликована в журнале «Бельские просторы» (2016, № 10—11). Живет в городе Стерлитамак.

В хлопотах о мальчугане год прошел быстро. Вернулся из армии раздавшийся в плечах Серега. Кормить мать с ребенком — одно дело; делить кров и содержать вторую семью из трех душ — совершенно другое. Через три месяца совместной жизни отец Сергея на повышенных тонах предложил сыну самостоятельно тянуть лямку взрослой жизни. Отец прекрасно понимал, что в родной деревне практически не сыскать работы, что ему придется перебираться в город. В деревне, откуда родом Сергей Наумов, жители пахали или на двух местных фермеров, или в собственных подворьях, других вакансий не предвиделось. Серега, Татьяна и Санек уехали в город жить самостоятельно.

В городе Сергей по большому благу оформил регистрацию, устроился вроде как по специальности — чинить лифты. Зарплаты в восемь тысяч хватало ровно на оплату жилья. Сергей приноровился было ездить после смены ввинчивать розетки и вешать люстры, однако честная шашка длилась недолго. Однажды позвонили, заинтересованно спросили: «89278654439 — твой номер?» Мужчина обрадовался, думая, что намечается заказ, поспешил дакнуть. Но с того конца трубки последовало грозное предупреждение: «Будешь отбирать заказы, поймаем, руки обломаем!» Наумов не стал рисковать, перестал ездить по вызовам. Татьяна мужа в этом поддержала, так как испугалась больше него.

Вскоре Саню повезли обратно в деревню к родителям Сергея, чтобы и Татьяна вышла на работу. В садик годовалого малыша сдать было нереально.

Татьяне повезло больше, она нашла работу мечты. Молодая женщина в белом халатике стояла десять часов кряду перед огромным чаном с кипящим маслом, жарила пончики. В обеих руках по шумовке, она крутила ими бесконечные восьмерки, вылавливая время от времени терракотовые пончики.

Как только Татьяна устроилась на работу, семья позабыла о праздниках. Накануне праздников пекари трудятся круглосуточно, за дополнительный выход в ночь хозяин пекарни платит тройной тариф. Они ни один праздник не отмечали, как большинство горожан, бездельничая в местах массовых гуляний или на аукционных распродажах. В свободные от работы дни молодые родители с набитыми магазинными угощениями сумками ездили навестить сына. Возвращались от родителей с не менее туго набитыми баулами с даровым картофаном, капусткой, птицей и с ноющей тоской по сыну.

Прожив в городе несколько месяцев, Татьяна и Серега отказались от отдельной однушки, арендовали комнату в общежитии, метраж почти тот же, а по деньгам наполовину дешевле, ванну приноровились компенсировать еженедельной баней в деревне, все равно сил после смены нежиться в ванной по будням не было. Сил не хватало и на близость, разве что в отчем доме после бани, плотного ужина и твердой подсознательной уверенности, что завтра не надо вскакивать в шесть утра, наспех завтракать, брать штурмом маршрутку. В городе по вечерам оставалось лишь уставиться в телевизор и, глядя на чужие страсти и красивую жизнь, хоронить собственные надежды на достойную в материальном измерении жизнь поглубже, в беспросветную мглу.

Выход из плена съемного жилья подсказала Лина, она работала вместе с Татьяной в пекарне. Лина пересказывала каждому встречному-поперечному фабулу личного успеха: ушла от первого мужа с маленькой дочкой, своего жилья не имела, снимала комнату, сошлась с неженатым парнем, забеременела, родила от него сына, получила материнский капитал, маткапиталом оплатила первоначальный взнос за квартиру. Со скандалами, но, слава богу, живет с отцом детей и исправно платит ипотеку.

Маткапитал! Татьяна и Сергей не догадывались, что решение жилищной проблемы в этих двух заветных словах, которые слились в одно понятие. Спасибо, Путин, благодаря маткапиталу и дети рождаются, и квартиры строятся.

Making a baby могут только американцы. В России детей зачинают. Зачать второго ребенка у Наумовых не получалось. Подросткий Саня сыпал соль на рану, приставал к родителям, родите да родите сестренку, — так его поджучивали дед с бабкой. Татьяна отнекивалась, пока нельзя, тогда утят или цыплят, просил мальчуган, я за ними ухаживать буду. Малыш рос деревенским пареньком, любил возиться с живностью у деда в деревне, куда его отправляли на целое лето.

Татьяна упорно и дорого лечилась, Серега упорно и часто по ночам старался сделать ребенка. Наконец наступила долгожданная беременность, и в положенный срок вместо сестренки родился здоровый Ваня. Саня был разочарован.

— Вы сказали, что я буду с ним играть. — Саня не ожидал, что дети рождаются маленькими и беспомощными. — Как? Он совсем не умеет играть. Он лежит и какает. Лучше б девочку родили!

— Девочки, думаешь, не какают? — Сергей и Татьяна считали, что правильно готовили старшего сына к появлению братика или сестренки, но к проявлению ревности сами оказались не готовы.

— Девочки только писают, — нашелся Саня.

Однако Саня быстро свыкся, что у него появился братик вместо сестренки. Он научился забавлять братика, когда родители были слишком заняты, и вскоре забыл, что заказывал сестренку. Тем временем после многомесячных мытарств Татьяна добилась разрешения пустить материнский капитал на улучшение жилищных условий семьи. Сергей не возражал, когда Татьяна категорично заявила, что будет искать жилье не в городе, а на селе. Друзей они новых не нажили, развлекаться не умели, точнее, денег на походы в кафе, ночные клубы или в кинотеатры у них не хватало. Жизнь среди бетона и пластика осточертела обоим Наумовым до тошноты, тянуло к натуральной еде и к зеленым пейзажам за окном.

Серега и Татьяна озадачили знакомых насчет выставленных на продажу домов, скупали подряд газеты, где печатались соответствующие объявления, часами сидели на Авито в поисках подходящего варианта. Таким образом наткнулись на фото прочного деревянного домика, аккуратно обшитого вагонкой и выкрашенного в приятный глазу зеленый цвет. А какая приятная для глаз цена красовалась под фотографией?! Как раз в пору для подаренного государством маткапитала.

Наумовы созвонились с продавцом, съездили в деревню, окончательно влюбились в домик, в заросшее немятой зеленой травой просторное подворье. Их не смутило, что домик в деревне, которая спряталась в ложине в сорока километрах от райцентра, что в деревне знают, но не говорят по-русски, нет работы для Сергея и детсада для Сани. Им бросились в глаза крепкие дома, некоторые из красного и белого кирпича, серьезные машины во дворах, тарелки на крышах, в конце недели — они ездили на разведку в эту деревню в воскресенье — в каждом доме гости. Им понравилось, что в деревне задержались навсегда несколько семей некоренных жителей, приблудивших туда из ближайшего города и из далекой Средней Азии.

Наумовы торопились — зря торопились на зиму глядя — переехать в собственный дом, заехали в незнакомую деревню в октябре. Сосед справа, Карим-обзы, их связывал общий забор, первым постучался в ворота Наумовых. Татьяна настороженно пропустила деда в дом. Ут курши¹ — ближайший сосед, к которому в старину бегали за лучиной, если в доме гас огонь — поставил банку золотистого меда и пачку печенья на стол. Женщина засуетилась, поставила кипятиться чайник, стала спешно накрывать на стол. Карим-обзы соизволил попить чаю, «не для корма, для форма», как он объяснил. Сосед безо всяких формальностей приступил к расспросам:

¹ Огненный сосед (*мат.*).

— То ли мари, то ли два?² Моржа? — напрямую спросил дед, почтенный возраст позволял не церемониться.

— Чуваши мы, — краснея, ответил Сергей.

— Тоже наши, невестка моя чувашка, по-нашему разговаривает лучше сына. Плохо, ругаю сына, язык надо знать.

Татьяне показалось, старик намекает, не сыну, а им, Наумовым, надо знать язык. Язык не дышло, куда повернешь, туда и вышло, они научатся, не проблема, заверила она молча себя.

Настоящей проблемой стало молоко. Женщина наивно полагала, что в деревнях свежего молока завались. Как бы не так! Свежее молоко — хлопотное удовольствие! Содержать корову — занятие не для пенсионеров, проще запастись в продтоварах молоком в пакетиках, оно не портится удивительно долго, или приручить городских гостей привозить молоко с собой. Татьяна наутро собралась было в местную лавку за молоком, заглядывает во двор Хороша Миниса — живет в деревне еще Курчак³ Миниса — и угощает Наумовых полторажкой молока. На семь дворов в Верхнем переулке одна Хороша Миниса держала корову. Добрая женщина банку-другую заносила соседским стариками «просто так»; бесплатно занесла и новым соседям. Татьяна напоила соседку чаем, договорилась, что будет у нее покупать литр молока каждый день за двадцать рублей, — пустяк по меркам города, нормально по ценам села. Парное молоко хоть и в дефиците у Хороша Миниса, она согласилась его продавать Наумовым ради малышей. Детей в Верхнем переулке, кроме больного внука одинокой Будачихи, не было. Дочь Будачихи спланировала матери неизвестно от кого в городе рожденного годовалого сына. Мальчику исполнилось уже десять лет, и он не любил молоко.

Наумовы стали жить-поживать в незнакомой деревне. Законопатили оконные рамы, привезли из города бездомную кошку, устроили курятник для пяти несушек в амбаре. Активничала в основном Татьяна. Сергей исполнял ее распоряжения: то розетку закрепит, то форсунки газплиты у соседей прочистит. Они в благодарность картофана и морковки отсыплют. Лишь семья самодостаточных куркулей слева от дома Наумовых не контактировала с ними, они ни с кем в деревне не контактировали. Наумовым хватало общения со Бабаем, как называл Карима-обзы Саня, и с Хороша Миниса.

Зачастившие нудные дожди не портили настроение молодых переселенцев, ибо газ, вода в избе, печка исправна, сквозняков нет, дрова для бани они закупили. Татьяна совсем укрепилась во мнении, что все правильно сделала, после разговора с Геннадием. Она познакомилась с этим переселенцем из города в магазине. Женщины толкнули в бок Таню: «Русский, хороший человек, поговори, подскажет, если что».

Геннадий с Татьяной вдвоем вышли из магазина. Бабы вслед Геннадию прокричали: «То ли руска борасы, матур була боласы»⁴. Моложавый Гена импонировал деревенским женщинам. Неизменно спокойный, неизменно вежливый, он щедро затоваривался в магазине. Он не пил и даже не курил, умело хозяйничал по дому, позволяя жене часто болеть, большинство деревенских баб может болеть лишь эпизодически.

Для местных не было секретом, почему этот мужик оказался в их деревне. Уважаемый всеми — мужиками и бабами — Геннадий перебрался в деревню из города четыре года назад. Работал в тундре, хорошо зарабатывал, пить не научился, детей не нажил. Вернулся с женой на ее малую родину, купил большую квартиру. Осталось реализовать давнишнее желание жены — растить детей. Супруги, принарядившись, пошли в детдом выбирать сына или дочь.

² Поговорка: то ли марицы, то ли мордвины.

³ Куколка (*mat.*).

⁴ Частушка на татарском языке: «То ли за русского пойти, красивыми будут детки».

Детдомовские дети удивили мужчину. В легенды, что папы-спецназовцы героически погибли, а мам сбил насмерть пьяный водитель, современные воспитанники детдомов абсолютно не верили. У многих свежа память, как жили с родителями-алкашами. Папа — вон, указывали воспитанники на висевший на стене портрет президента страны. Детдом содержит государство, государство ассоциируется с кем? С президентом. Дети удивили супругов еще больше, когда выяснилось, что мало кто из подростков хочет в новую семью. В семье надо слушаться, то есть подчиняться, не то лишат карманных денег, посуду мыть, в школе хорошо учиться. В детдоме можно учиться, как заблагорассудится, посуда всегда чистая, даже чай сразу сладким подается, звезды шоу-бизнеса местного и федерального масштаба заезжают, концерты бесплатные устраивают.

Жена убедила Геннадия, что мальчишки — потенциальное хулиганье, поэтому они удочерили девочку. Они остановились взглядом на смысленых, почти черных глазках-буравчиках Дарины, наивно надеясь, что та вырастет примерной дочерью. Воспитатели детдома выбор одобрили, характеризуя ее как умную и добрую девочку. Приемные родители заранее любили Дарину, без промедления оформили документы, привели домой. Они безмерно холили и лелеяли дочь, благо доходы позволяли.

В ответ на безмерную любовь выросшая дочь показала добровольным родителям, где раки зимуют. Она прогуливала школу, устраивала оргии в квартире, открыто пила и курила. Дарина мстила за то, что приемные родители, в сущности чужие ей люди, оказались правильными и нежадными; Гена вообще идеал, ни в чем не упрекает и ни в чем не отказывает, а родные — пьянь, дрянь, нищета. Родные люди должны быть добрыми и понятливыми, чужие — наоборот. В ее случае чужие люди попались ей добрые и умные, а родные оказались недалекими и эгоистичными. В подобных перевертышах виноваты терпеливые крокодилы Гены, пришла к выводу Дарина, они нарушают привычную картину бытия.

Неизвестно, сколько еще продлилось бы противостояние родителей и дочери, если бы Дарина, едва окончив школу, не стала жаловаться: «В животе червяк завелся, щечочет, гадина, спать не дает». Родители начали дочь по врачам водить, анализы сдавать, на глисты проверять, пока УЗИ не показало, что «червяку» три месяца. Дарина принесла в подоле дочку, через полтора года сынишку и тем не менее продолжала тусить, спихнув детей на родителей.

От постоянного бодуна в квартире заболела жена Геннадия, капризничали внуки. Не выдержав совместной жизни с дочкой, мужчина сдался. Он продал свой большой японский внедорожник, купил на вырученные деньги дом в деревне, бытовую технику последнего поколения и убежал туда с внуками, на радость непутевой дочери. Периодически он отвозил деньги дочери в город, чтобы у нее было на что жить, она нигде не работала.

— Не жалею, что перебрался сюда, честно. Правда, риелторы обманули, сказали, деревня наполовину русская. Начали жить, узнали, всего три семьи русских, еще несколько смешанных семей, но разницы никто не делает. Привык, здесь спокойно, ко мне хорошо относятся. Что мне с деревенскими делить?

— На что живете? — Вопрос был более чем актуальный для безработных Наумовых.

— На пенсию, я рано вышел на пенсию, у меня северный коэффициент, на жизнь хватает. Скотину не держим, жена болеет. Весной цыплят для внучат завел, целое лето с ними провозились, семьдесят процентов выросли. — Мужчина сообразил, что волнуется женщину, успокоил: — Ничего, и вы приноровитесь. Скотину заведете, сено здесь богатое собирают. Мясо у соседей покупаем, вкуснотище, дочке в город отвозим, в городе такое не купишь. Кстати, за сколько купили избу?

— Просили четыреста тридцать тысяч, двадцать тысяч уступили.

— Обманули. Риелторы выкупают здешние пустые дома максимум за двести тысяч, перепродают вдвое дороже. Покупают, у кого крайние обстоятельства. Но дома здесь неплохие; газ, водопровод проведен, автобус до города три раза ходит.

Но Татьяна не слышала, что рассказал Геннадий, она вся взбеленилась от злости:

— С..., риелторша, обманула. — Татьяна выдала вполголоса пару матерных фраз.

— Не стоит нервничать, — успокоил ее Гена. — Забудь. Поверь, потеря денег — не самая важная потеря. Говорю же, они всех переселенцев обманывают. Забудь.

Забудь? Забыть — значит простить. Простить? Таких мемов в голове молодой женщины сроду не водилось. Осознав, что ее объегорили, Татьяна три дня рвала и метала. Влетало всем: мужу брань, детям шлепки, кошке пинки. Обязательно разбогатеет, разбогатеет назло риелтору, подругам и родне, — затаив эту мысль в сердце, не в голове, Татьяна утихомирилась, — дом у нее есть, благосостояние наживет.

В обычных житейских хлопотах прошла осень, наступила зима. Двор Наумовых полого шел под откос, в низине тек широкий ручей, через него переброшен крепкий мост, за мостом двор шел вверх, там разбиты огород и сад. С первым снегом Наумовы обнаружили приятный сюрприз в виде собственного аттракциона. Заледенелый спуск к ручью во дворе — готовая горка, с которой Саня лихо скатывался на простенькой лежанке. Саню загоняли домой лишь угрозами лишить любимых пряников. Пару раз мальчонка въезжал в ручеек, и его, мокрого и хныкающего, отогревали чаем с вареньем и медом. Татьяна всячески противилась дворовому слалому, прятала лежанки, не выпускала Саню из теплой избы. Однако когда она отлучалась по делам, сын наспех одевался и с позволения отца скатывался к ручью на попе. Скорость не та, но радости — больше.

Закончилась детская забава предсказуемо: простудой. Татьяна лечила Саню сухим теплом, укутывая сына в поношенную мягкую пуховую шаль, Хороша Миниса дала, поила специальным молоком по рецепту Будачихи: кипятится молоко с душицей, добавляется мед, сливочное масло, оба по чайной ложке, горячее молоко дается простывшему, как только он захочет пить. Народное снадобье помогло, отошли мокроты, мальчонка перестал кашлять.

То ли Татьяна переключилась с младшего на старшего сына и упустила момент, когда просквозило младшего, то ли от одного вирусы перебрались на второго, но вслед за Саней заболел Ваня. Ребенок горел от жара, задыхаясь, надрывался в плаче, не ел, не спал. Ваня тяжело мучился. Недолго думая — ах, зря, что недолго, — Татьяна напоила эффективным лечебным напитком по рецепту Будачихи и младшего сына. Попив горячего молока, малыш засопел, затих, вроде как заснул, а его мать ушла со спокойной совестью на кухню, она затеяла пирог с капустой испечь по случаю выздоровления старшего сына. Однако тесто не заладилось, подозрительно быстро затих малыш. Женщина оторвалась от готовки, пошла проведать сына. За каких-то двадцать минут Ваня отек настолько, что глазки полностью накрылись веками, губки по-африкански вздулись, лысая головка покрылась капельками пота, щечки стянул пунцовый глянec. Татьяна спустила ползунки, пиписька увеличилась в разы, малыш не дышал, хрипел. Она мгновенно укутала сына потеплей, сама влезла в дубленку и в валенки и бегом к местной фельдшернице на другой конец деревни. Медичка расспросила молодую мамашу, предположила у малыша аллергию на мед или душицу, сделала укол хлористого кальция — максимум, что было в ее распоряжении, — велела срочно, своим ходом, везти ребенка в райцентр, не дожидаясь кареты «скорой помощи» оттуда.

До райцентра сорок километров; времена крещенских морозов, дороги не чищены, народ догуливает новогодние длинные каникулы. Муж Хороша Миниса повез Татья-

ну с Ваней в районную больницу в «ладе-Самаре» на предельно доступной скорости — в условиях уральской зимы выходило медленно. В приемном покое районной больницы малыша без проволочек отправили в реанимацию, Татьяну приютили в комнате медсестер.

Сергей с Саней остались в деревне, сторожили стационарный телефон у Карим-обзы, в непогоду мобильная связь барахлит, считали местные. Серега ушел ночевать к себе глубокой ночью, так и не дождавшись звонка от Татьяны. Татьяна позвонила рано утром, было еще темно, трубку взял дед. Женщина сухо сообщила, что сын умер, пусть муж придет, заберет их. Положив трубку, дед оделся, пошел к Сергею с печальной вестью. Мужчина растерялся, не знал, что делать. Карим-обзы велел одеться как следует в мороз, одеть старшего сына и оставить его на попечение Будачихи, самому дожидаться его возле ворот наготове, он же пойдет договариваться с Кора-юрак⁵ Асхатом, который водил более мощный, чем «лада-Самара», «УАЗ-патриот». Старик сунул Асхату пятьсот рублей на бензин, жена Асхата протянула термос с чаем, заправленным вареньем из черной смородины. С благословением Карим-обзы мужчины тронулись в путь.

Татьяна подписала нужные бумаги без проволочек, врачи пошли навстречу, на вскрытии не настаивали. Она, даже не всплакнув, укутала ребенка в одеяльце, собрала свои волосы в тугий пучок, повязала голову темным платком — санитарка подарила — и закаменела в одной позе на стуле в коридоре, еле заметно укачивая свой объемный кокон в руках. Она не реагировала на снующих туда-сюда медсестер, возле нее никто не останавливался, не трогал, не разговаривал. Жизнь в больнице ранним утром привычно кипела, открылся сезон ОРЗ и обморожений.

Буран тем временем разыгрался не на шутку. Сергей выходил из машины, рассчитал снежный занос, толкал в одиночку машину вперед. Местами злой ветер выдувал снежное покрытие дороги до стеклянного гололеда. Постепенно колючий буран смягчился и разродился мокрым снегопадом. Месиво снежных хлопьев с глухим звуком стучалось в лобовое стекло, дворники едва успевали слизывать их вниз. Из-за густого снегопада ни зги не было видно. Часть пути Серега прошел пешком, маяча перед водителем, чтоб тот не съехал в кювет.

Сергей с Асхатом благополучно доехали до больницы. Увидев жену, она не плакала, что было дурным предзнаменованием, Сергей не проронил ни слова. Он усадил жену с завернутым в одеяло ребенком на руках на заднее сиденье, сам занял место штурмана. На сына Сергей не взглянул.

Машина со скорбным грузом добралась до деревни к двенадцати дня. Наумовы положили Саню в неотапливаемой — летней — пристройке к избе. Сами согрелись горячим чаем, решили идти — зачем вдвоем-то? — на кладбище. Утопая по колена в глубоких снежных заносах, опечаленные родители, не проронив ни слова меж собой, побрели к погосту. Деревенское кладбище обнесено хлипким плетеньем, который сейчас был полностью скрыт высокими сугробами. Кованые ворота и зимой и летом выполняют чисто символическую функцию. При желании пройти внутрь могильника — раз плюнуть, только что там воровать? Супруги потрогали замок на воротах, повернули к магазину, то есть к народу. В магазине Наумовы, никак не предваряя вопрос, с порога спросили, у кого хранятся ключи от ворот кладбища. Народ, две бабы и продавщица, переглянулись, но быстро ответили, что у сторожа.

Наумовы, опять же вдвоем, пошли к кладбищенскому сторожу домой. Сторож-волонтер сказал, что даст ключи, если мулла разрешит. Наумовы дошли до муллы. Муллы дома не оказалось, он уехал в город лечиться. Жена муллы отправила Наумовых к его помощнику, к Абрашид-обзы, деревенские звали этого дядьку за глаза Зав-

⁵ «Черное сердце», скупой человек.

помом — заведующий, ставший помощником, он заведовал детским садом до его закрытия. Какой-никакой, все же администратор в прошлом, поэтому деревенские поручили ему ассистировать мулле.

— Сын умер. — Татьяна начала без приветствия. — Дайте ключ, откроем ворота, похороним.

— Нельзя. Вы не в мечеть, в церковь ходите.

— Ну и что? Где прикажете хоронить? — Не стесняясь, перешла на крик женщина.

— Не знаю. Нельзя мальчика хоронить на мусульманском кладбище, — резкий тон визитерши не понравился Завпому. Просящий так не разговаривает.

— Мы с краю положим, креста не будет, только щиток с именем прибуью. — Сергей полез спасать ситуацию. Тщетно.

— Нельзя. Мусульман тоже среди крящин не разрешают хоронить.

— Что прикажете делать, в город вести? Знаете, какой сегодня буран? — Татьяна поднялась со стула, пошла в атаку в полный рост.

— Знаю, — наконец-то Абдурашид-обзы что-то знал наверняка. — Нельзя. Надо в Спасское отнести. У вас же на третий день хоронят, время есть, покамест дорогу почистят.

Спасское — православный погост в семи километрах, специально организованный для подобных случаев для жителей близлежащих деревень.

— Какое Спасское? Дороги нет, — описал ситуацию муж. Но ему не дала закончить жена:

— Вы хороните в тот же день, нам нельзя? С мертвым в доме предлагаете жить три дня? — Татьяну словно оглушили. Исчерпав ресурсы адекватности, женщина нашла в себе толику сил наказать оппонента. — Дай бог вам хоронить своего сына. Меня вспомните тогда, поймете.

С этими словами на устах женщина вышла вон. Следом вышел Сергей. Непогода будто испугалась гнева разъяренной фурии, угомонилась. Воздух застыл, тишина разлилась на много верст вокруг. Тишину нарушал только хруст снега под ногами. Супруги не слышали, как вдогонку Завпом посылал свое возмущение: «Хотели мазар сыну устроить? Нельзя, сказано, нельзя! Не кричи, правильно отказал. Проклятия наслали на мою голову, безбожники. За что? Пусть проклятие к ним самим вернется».

До Наумовых эти слова не долетели, но они долетели до муллы, когда он вернулся из города. Абдурашид-обзы детально пересказал, что произошло. Вместо одобрения за бдительность Завпом получил строгое порицание:

— Икенче⁶ чуваш. Она — женщина, у нее кора кайгы⁷ свалилось. Не дай бог никому пережить родных детей. Они — молодые, не знали, что делать. «Она кричала» — не причина, женщины кричат в такой момент, на то они и женщины. Надо было с мужем вопросы решать, мужчина — хозяин усопшего. Почему мужу спокойно не объяснил, что надо делать, что надо в Спасское отнести мальчика?

— Она в приказном тоне со мной разговаривала, муж молчал как пень. Я, что, виноват? Как бы они добрались до Спасского? Кто могилу бы рыл? Сильный буран был, народ праздники гулял. — Обычно Абдурашид-обзы не признает свою неправоту, в экстремальной ситуации — тем более.

— Надо было в район звонить, технику бы прислали, раз такое дело. Мужиков с техникой попросил бы помочь, никто б не отказался. Они — молодые, жизни не видели. Подсказать надо было без ругани. Они еще не хоронили родных, опыта нет, не знают, как это делать.

— Упрямая она. Хотела, чтоб по-еешнему было.

⁶ Второй чувашин, иначе — упрямый человек.

⁷ «Черное» горе — так называют смерть детей.

— Как и ты. Сколько раз я тебя учил: шариатга хэм шартларга кора⁸. Шариат не приказ, только правило. Почему с Геной посоветоваться не послал?

— Она быстро ушла, проклятиями сыпала. Ратор на мою голову!

— Не ратор-оратор, слабая женщина, ребенка потеряла. Сколько можно повторять: семейные дела решай с мужьями.

— Сама виновата, медом поила. У ребенка аллергия на мед высыпала.

— Не говори так! От такого никто не застрахован. Не дай бог! Не дразни судьбу, у тебя внуки.

— Сам учишь, надо следовать правилам, а сам...

— Это же был ре-бе-нок! Понимаешь, несчастный ре-бе-нок! Дурья твоя башка.

— Ты бы позволил хоронить на нашем кладбище?

— Если со Спасским никак не вышло бы, — закрыл дискуссию мулла, пошел к Геннадию за подробностями.

Однако его все еще не было в деревне, он увез внуков погостить к родной матери в город, заодно сходить с ними на новогодние представления. Супруга сообщила, что к ним домой на днях приходил Сергей Наумов, но он ничего не сказал про похороны. Мулла побрел в Верхний переулок, постучался к Наумовым. Вышел Сергей, мулле в дом не пригласил войти. Мужчины говорили на крыльце. Наумов подтвердил, да, сын умер, да, похоронили, да, не на деревенском кладбище, где конкретно, ему не скажет.

В тот день, кстати, воскресный, от Завпома Татьяна пошла домой, а Сергея послала за Геннадием. Увы, Гены дома не оказалось, с кем-либо другим чета Наумовых не захотела советоваться. Карим-обзы торчал в их доме, бубнил про Спасское. Слова старика не лезли в голову разъяренной женщины, то громко обвинявшей мужа, то чертыхавшейся по поводу здешних порядков. Молодая женщина явно демонстрировала мужчинам, мужу и соседу, ей не до советов черствых посторонних. Татьяна мазохистски упивалась свалившимся на нее горем. Возникшее препятствие с похоронами сыграло на руку, оно превратило ее из мученицы в великомученицу, оно возвышало и утешало. Раздосадованный непониманием старик ушел, не попрощавшись.

Небо опять наливалось свинцом, надвигался буран. Татьяна закатила истерику:

— Я не могу быть в доме, зная, что Ваня там лежит. Похороните ты его, в конце концов, — заорала Таня осиплым голосом на мужа. — Что ты за мужик, не можешь родного сына похоронить?! Я должна это делать? Я родила, растила. Сделай ты что-нибудь для собственного сына!

— Где похоронить? — Сергей лишь раз прервал ее причитания.

— Где хочешь. Не показывай мне его. Он — не мой Ваня, — Татьяна забрала Саню и ушла вместе с ним в дальнюю комнату спать.

Сергей вышел из избы в два часа, зашел обратно в начале шестого. Почернел лицом, странно, но не продрог, хотя мороз зашкаливал в районе тридцати градусов. Собрал на стол, выставил водку, одолженную у Хороша Миниса, сел поминать Ваню. Таня присоединилась. Не чокаясь, молодые родители выпили. Сергей налег на еду.

— Понял, почему люди придумали гробы, памятники, кладбище за околицей. Поминок для чего.

— Понял — держи при себе. «Они» меня как мать не поняли. Я обиделась, не прощу их никогда, — грубо прервала мужа Татьяна. — У меня сын умер, а «они» не дают его похоронить, «им» места жалко.

Супруги замолчали. Молчали три дня, разговаривая по необходимости только с Санией. Татьяна спросила мужа, где и как он похоронил сына, лишь на третий день.

Первоначально Сергей хотел похоронить сына на опушке, за их огородом начиналась ровная опушка, за опушкой красивая роща. Потом передумал, зверье могло рас-

⁸ Смотри и на шариат, и на обстоятельства.

копать могилу. Он встал в центре двора, оценивая пространство по единственному критерию: чтобы тупая скотина не ходила по сыну и случайные люди ненароком не затоптали могилу. Этому критерию отвечал только палисадник между избой и забором из профнастила, палисадник отделен от хозяйственной части двора штaketником. Весной они засеют палисадник цветами. У его сына будет могила — как у всех — вся в цветах.

Между фасадом избы и забором земля промерзла до состояния бетона. Мужчина рыл могилу, бензопилой распиливая почву. Приготовив яму в свой рост, вызвал старшего сына из теплой избы, они вместе прошли в холодную пристройку. Отец развернул одеяльце, в котором лежал Ваня, сказал Сане: смотри, запомни, это твой брат. Мальчишка, потупив взгляд, исполнил просьбу отца, посмотрел исподлобья на оконеченшего братика. Наумов отпустил старшего сына в дом, принес теплой воды в тазике, разорвал новое полотенце, раздел и протер маленькое тельце влажным полотенцем. Снял с ребенка памперсы, совершенно сухие. Одел в зеленый мягкий костюмчик с пингвинами. В нем Ваня сам напоминал потешного пингвина, когда вразвалочку пробовал ходить по комнате самостоятельно.

Сергей вынес и опустил завернутого в одеяльце сына в могилу, забросал землей вперемешку со снегом, которую крошил голый рукой, не чувствуя холода. Хотел было кинуть в могилу какую-нибудь игрушку, передумал, получится как-то по-цыгански. Наполнив могилу землей, положил валун в изголовье, который приволок в одиночку с речушки за околицей, килограмм двенадцать будет. Разровнял залежи снега в палисаднике, чтобы не было видно разрытой земли.

Весть, что приезжие Наумовы, вероятнее всего, погребли умершего мальчика у себя во дворе, вмиг разлетелась по деревне. Как только Гена вернулся в деревню, он помчался к Наумовым. Он начал беседу издали, рассказав историю друга, который развелся с женой после семнадцати лет брака, чтоб не лежать с ней на разных кладбищах, они были разного вероисповедания: муж — православный, жена — мусульманка. Татьяну пример не пронял. Геннадий философствовал, дескать, при похоронах и поминках традиции соблюдаются крепче, чем при помолвке или имьянаречении. Тоже не проняло женщину. Гость деликатно намекал Наумовым, что Татьяна и помощник муллы погорячились, стоило подождать перемены погоды или возвращения старшего муллы, мол, можно было немного погодить, на холоде тело пролежало б спокойно пару дней, назавтра распогодилось ведь. Горе кровоточит, а ей предлагают его растянуть, злая Татьяна отвечала односельчанину лишь гримасой, полной презрения. Он при знакомстве еще ей не понравился, смирился с обстоятельствами и ей предлагал простить мошенницу-риелтора.

Ему бы уйти, но Геннадий проповедовал дальше: «Ребята, в чужой монастырь со своим уставом нельзя». — «Что? Меня в моем доме учить вздумал? Девку свою приبلудную жизни учи. Вон из моего дома!» — Татьяна встала из-за стола, указала на дверь. Жест неожиданно отнял много сил, женщина обмякла, опустилась на стул, заревела. Впервые. Она истошно кричала, материлась, выла сиплым голосом, сыпала упреки и проклятия.

Геннадий поспешил ретироваться, Серега вышел визитера проводить до ворот. Когда мужчины остались наедине, без Татьяны и Сани, Гена спросил напрямую, куда они девали тело младшего сына. Серега признался, что похоронили Ваню во дворе, и тут же ушел в избу. Позже Гена сельчанам каждый раз подтверждал, что малыша действительно похоронили во дворе, «как Шеварднадзе», где конкретно, он не знает, Наумовы не сказали, это бесполезно выпытывать, никто же не будет проводить эксгумацию и заново хоронить. Сельчане удивлялись, почему такой важный и умный человек, министр иностранных дел, велел похоронить себя во дворе. Во дворе своего

поместья, неизменно уточнял Геннадий, самый политически осведомленный житель деревни. Не война, не зима, зачем во дворе? — недоумевали деревенские старики. Геннадий не мог дать ответ за Шеварднадзе, поэтому просто разводил руками. Как не мог объяснить поступок Наумовых, тоже пожимал плечами.

Потеряв Ваню, Наумовы прожили затворниками в деревне до весны. Весной им повезло, они продали дом городскому бездетному холостяку, у которого банк отсудил квартиру за долги по кредиту. За что купили, за то отдали, остались не внакладе. Об отъезде Наумовых первым узнал ближайший сосед, Карим-обзы, когда Сергей занес бензопилу, поблагодарил старика. Дед пропустил благодарность мимо ушей, сурово спросил соседа:

- Где Ваню похоронил?
- Во дворе, — не таясь, признался Сергей.
- Человек — не собака, хоронить его где попало. Обидел сына.
- Вам-то какая разница?
- Большая разница. Тебе понравится лежать под забором?
- Не ваш же сын, мой. — Правда резанула по ушам, почти догадался ушлый дед. Сергей «включил» доверительные интонации. — Где смогли, там уложили. Так судьба распорядилась.
- Не судьба, ты распорядился. С вашего двора ручей течет в другие дворы. Нехорошо, талые воды попадут в ручей. Харам, нехорошо будет.
- Мой сын не сможет вам навредить, он маленький, я его глубоко положил.
- Нельзя пачкать воду, поэтому спрашиваю. Нехорошо поступил с нами.
- А вы с нами? Хорошо поступили?
- И мы нехорошо. Из-за одного человека всю деревню наказываете.
- А-ха, всей деревней одного человека не могли уговорить. Пеняйте на себя! — Легендарная фраза впервые прозвучала из уст Сергея.

Первые дворы, которые омывают воды родника, положившего начало деревне сто двадцать лет назад, это подворья Наумовых и Карим-обзы, далее ручеек огибают огороды всей деревни и вливается в Бозсу. Народ родниковой водой наполняет бочки в банях, поит скотину, поливает огороды в засуху, но больше ценит за великое удовольствие, которое ручей дает для души. Ни за какие деньги не купишь возможность в летний зной умыться прозрачной водицей, посидеть немного на валуне, слушая тихое, умиротворяющее журчание воды, усталость как рукой снимает, а житейские неурядицы уменьшаются в размерах.

Ручеек жалко. Но более всего сердце старика болело от кощунства по отношению к мальчугану. Он успел искренне привязаться к Сергею и Татьяне, к Сане и Ване; родные внуки далеко, жену недавно он схоронил, а тут на утешение появились по соседству два подвижных мальчика. Младший спокойно шел к нему на руки, а старший всегда занимал место рядом с ним за столом, знал, что дед дотянется до дальних угощений и обязательно что-нибудь протянет ему. Нередко Карима-обзы Наумовы просили приглядеть за детьми. Дед заранее покупал печенье и имунеле в деревенской лавке, чтобы заходить к Наумовым не с пустыми руками. Поводы заглянуть к соседям выискивались сами. На Новый год старик пришел к Наумовым с увесистым мешком подарков, как настоящий Дед Мороз. Малыши визжали от радости и носились по избе как угорелые. Такое не забывается.

Дед горевал неподдельно и злился на молодых родителей, что не уберегли малыша. Наумовых не жалел, пусть убираются из деревни, жалел, что детей не станет в переулке.

На следующий день после разговора Сергея и Ут Курши подъехала грузовая «газель». Наумовы грузили имущество. Соседи осмелели:

- Скажите хоть, где, в низине или наверху, похоронили сына?
- Вам какая разница? — сквозь зубы выдавила Тanya.
- Большая разница, ручьем пользуемся.
- А нам без разницы, — огрызнулся Сергей.
- Так нельзя, нам жить здесь, — возмутились вполголоса зеваки, собравшиеся в Верхнем переулке. Открыто возмущаться деревенские не решились.
- Пеняйте на себя! — бросила собравшимся односельчанам Тanya и с силой захлопнула дверь «газели». Машина тронулась.

БРЕД СОБАЧИЙ, ИЛИ ГОНКА ЗА ПАСПОРТОМ

Дул студеный ветер, Алабай понуро шлепал мимо остановки, задержался. На скамье сидела женщина, ласкала беленького котенка у себя на коленках. Кисы, юная и не очень, млели от процесса. Женщина что-то тихо шептала котенку, гладила, а податливый пушистый комочек послушно прогибался под ее ладонью. Женщина светилась счастьем, котенок нежился в безопасности и сытости, — ничего необычного, хозяйка с любимицей общаются. Притормозил автобус, двери распахнулись, женщина резко встала, поспешила в автобус, киска ловко спрыгнула с колен на землю, рядом приземлился разорванный пакетик «Вискаса». Сценка заинтриговала Алабая: идиллия обернулась иллюзией, на остановке шло шоу под названием «Любовь на время». Далее на остановочную скамейку присела девушка с рюкзаком за спиной. Киска вскарабкалась по рюкзаку на плечо, оттуда, цепляясь за парку, спустилась благополучно на колени студентки, устроилась поудобнее. Сеанс взаимной ласки повторился. Вновь подъехал автобус, девушка вскочила и умчалась, кошечка осталась. Кошечка вымогала любовь и еду у прохожих морально приемлемым способом. Она жаждала человеческого участия и заслуженно имела его без унижающего достоинство жалобного мяуканья. В благодарность прохожим предоставлялась возможность, хотя бы на короткие, от силы — десять минут ощутить себя любящими и заботливыми существами.

Алабай никуда не спешил, парой фраз переброситься с юной кисой ничто не мешало. Они принялись, познакомились. Выяснилось, киска бездомная. Симпяташка, само очарование, и бомжиха? Вся беленькая, с рыжим клоком на умненькой головке, она представилась Алабаю как Рыжая. Рыжая — не колор, это характер и судьба. Рыжая покочетничала малость с Алабаем.

— Какой урод выбросил тебя, девчонку еще, на улицу?! Ладно, я, сильный и крепкий, боец за место под солнцем. Но ты?! — Очередное людское злодеяние взбесило Алабая. — Кто эти твари?

— Не кипятись, люди от собственных детенышей отказываются, в приют сдают, а ты о котятках за бортом нормальной жизни переживаешь. Знаешь, что мне студентка успела рассказать? Она реферат пишет про детдомовских детей и вычитала, что у восьмидесяти процентов сирот родители в детдомах росли, — важно сообщила Рыжая. — Не сироты они вовсе, родители есть, да непутевые. Не то что моя мама! Ее, беременную, отвезли далеко-далеко и выкинули из машины. Мы выросли на свежем воздухе, но не одичали, правила приличия соблюдаем, не навязываемся ни к кому. Студентка правильно копает, по себе сужу: мама домашней не была, и я — потомственная уличная мурка.

— Не говори так, — перебил Алабай. — Есть еще двадцать процентов.

— Десять погибают, десять в добрые руки попадают, — распределила судьбы Рыжая.

— Тебе обязательно повезет! Красивых подбирают, домой поведут.

— Дай бог! Хотя я сейчас тоже неплохо живу. Дарю прохожим нежность. Прохожим нравится показать любовь к братьям меньшим. В благодарность за мою нежность прохожие еду покупают, согревают, ласкают. Честно зарабатываю, не клянчу.

— Молодца! Милостыню не вымогаешь, как некоторые. Хорошее дело делаешь, редкий вид услуг, по-людски, без коварного обмана, общаешься с ними. Бывай! Идти надо, встретимся, мир тесен. Кстати, студентка не врет. Гамбургский друган рассказывал про закон Парето: все в мире распадается на восемьдесят и двадцать процентов.

Киска подозрительно взглянула на новоявленного приятеля.

— Не веришь, что я жил в Гамбурге? Сбежал оттуда, не захотел в боях без правил участвовать. Как-нибудь расскажу. Пока-пока, — попрощался Алабай.

Алабай собрался было уходить, его задержали резкая ругань и истеричный вопль. Под козырек остановки вошла женщина, она тащила за руку малыша трех-четырёх лет. «Урод, прекрати плакать! Скотина, не куплю я тебе машинку. И отец твой урод, алиментов не платит. Заткнешься или нет?» — истошно закричала женщина и изо всех сил тряхнула мальчика за плечи. Мальчуган захлебнулся воплем, мать шлепнула его по спине, он невольно задержал дыхание, заткнулся. Воцарилась зловещая тишина.

— Видишь? Люди к собакам лучше относятся, чем к родным детям. Собаку не просто отлупить, ребенка — запросто. Ладно, это их проблемы. До встречи, — пробормотал Алабай Рыженькой и двинулся в путь.

По дороге он возмущался про себя, что люди нарушают принятый ими же самими закон «мы в ответе за тех, кого приручаем». Знакомство с обаятельной особой перебило горечь от разочарования в людях и сократило размеры его личной неудачи. Утром в конторе всплыло новое препятствие, точнее, целых два, на пути к заветному документу: нет справки о прививках и неправильно написано имя. Инспектор грозно спросила, почему по одним бумагам он зарегистрирован как «Алибай», по другим как «Алабай»: «определитесь с именем, исправьте букву. Обновите справку о прививках, эта устарела. Сколько можно повторять: Королева отличается от королевы, как печенка от печи».

Формально инспектор совершенно права, что не мешает ей быть живодером. Всего одна буква! Нельзя быть настолько буквоедом, если вершишь судьбы. Вернуться за тридевять земель, где дали ему имя, невозможно, нет официального документа, с которым можно пересекать границу. Чтобы исправить документы, надо выехать за тридевять земель. Замкнутый круг, дурная бесконечность. Справку о прививках тоже нереально добыть, организация, которая прививала, как положено, с момента рождения и по мере роста, закрылась, документы в архив не сдала. Легче снова привиться, чем получить справку. Не жизнь, а малина! Так тебе и надо, пес бродячий, мигрант несчастный!

Размышления о рыжей киске отвлекли от пессимистических мыслей. Подходил к стройке Алабай уже не очень огорченным, как раз к обеденному перерыву. Дежурный кашевар помешивал густую похлебку, мясной аппетитный запах дразнил и предвещал пир. Хороший знак! Значит, хозяин выделил денег на продукты, расщедрился сверх обычной меры. Когда нет денег на настоящую еду — случается это нередко, — рабочие покупают ведерко майонеза и хлеб. Хлеб густо мажется майонезом, запивается крепким сладким чаем, — дешево и сытно, с голоду не помрешь. Его приходу рабочие обрадовались, дружелюбно потрепали по загривку, пожали лапу. Разложив в миски смахивающую на гуляш похлебку, мужики минут десять были заняты исключительно едой. Затем под чаек начиналось: «Отчитайся, что сегодня сказали». Он рассказал со всеми подробностями. Среди мужиков он разгружался от общения с чиновниками, порой получал дельные советы. Рабочие, кроме бригадира и снабженца, были мигрантами сейчас или в прошлом и искренне переживали за молодого кобеля. Одни

советами старались уберечь от тех граблей, на которые раньше наступили они. Другие наблюдали за перипетиями хождения по инстанциям из-за спортивного интереса: получит ли он паспорт, если получит, то за какой срок.

— Братан! Букву надо по-любому исправлять. Через суд — уйдет уйма времени, где-то полгода, — начал экс-учитель Борис. — У нотариуса выпиши доверенность на хлопотуна. Ты же не сможешь до кишлака родного добраться.

— Борис, ты не прав! Какой суд? Он не убивал, не воровал. Зачем в суд? Надо договориться с секретаршей, которая справки печатает, попросить вежливо, за шоколадку, напечатать нужную справку, — выдал рецепт Мага(мет). — Организуй справку из того кишлака, где родился, попроси знакомых.

— Как у тебя легко?! На справке печать должна быть, расшифровка подписи, номер, иначе халтура. Можно исправить букву прямо на документе, сверху написать «исправленному верить», расписаться. Мне на военном билете подполковник так сделал. Уточни у инспекториши, — нудел учитель.

— Тебе вместо «Борис» написали в паспорте «борись»? Борешься со мной, что не скажу. Спорь сколько угодно, но если он будет ждать суда, просрочит время, заставят заплатить штраф. Как он заплатит? На работу без документов не берут, воровать не умеет. Короче, находишь ходока, посылаешь ему денег, я научу, как дешевле будет, бесплатно никто не будет хлопотать, он через секретаршу состряпает бумаги, вышлет тебе. Слушай меня, все будет ОК, — гнул свою линию Мага.

— Чья бы корова мычала! Не тебе, азер, учить. Тоже мне, гуру выискался. Себе паспорт сделай, — Идейные противники Мага и Борис в спорах доходят до драки; до драки с кровью не доходило, строители разнимают дуэлянтов.

Рабочие живут здесь же на стройке, двадцать четыре часа в сутки находятся рядом, становятся чуть ли не родными братьями или заклятыми врагами. Если мигрант умудряется занять гражданство, исчезает со стройки навсегда. Столкнувшись с собратьями на улице, мир тесен — городок-то небольшой — одолевшие натурализацию предпочитают не узнавать соотечественников, изображая из себя местных граждан. С паспортом меняется отношение начальства, зарплата, вкус, походка, говор, манеры. Мигрантов легко вычислить: не так одеты, не так разговаривают, не так ведут себя. Главный признак мигранта в неуверенности приезжего эсэнговца. У некоторых неуверенность принимает форму хамского поведения. Быть «азиатом», «черным», «гастарбайтером», «понаехали всяким» не престижно. Мигрант пытается «раствориться» в новом окружении, но родимые пятна географического происхождения выдадут с головой. Мигранты конкурируют между собой, поэтому новоиспеченные граждане сильнее коренных жителей заинтересованы, чтоб их, мигрантов, становилось меньше. Говорят, соотечественники в далеких Европах и в еще дальних Америках объединяются в эмигрантские круги. В больших российских городах мигранты тоже кучкуются в легальные и полулегальные тусовки. В малых городах и в поселках приезжие выживают в одиночку, где мигрантская солидарность — чушь на постном масле.

Особенно недолюбливал мигрантов Мага. Накануне Курбан-байрам его с Дмитрием послали на рынок за сухофруктами. Они набрали кураги, поставили на весы, продавец назвал сумму. Маге показалось, продавец завысил цену. «Уважаемый! Сума другая, — старался быть вежливым Мага. — Перевесь». Электронные весы показали незначительно новые цифры. «Почему все время ошибаетесь в свою пользу, а?» — начал входить он в праведный гнев. Продавец громко оправдывался, что он округляет копеечные хвосты старухам, так что молодой мужик мог бы не скандалить из-за нескольких рублей. Мага оскорбился: «Слушай, почему вы не обходитесь без пусть маленького, но обмана? С моим дипломом „бери больше, кидай дальше“ я никого не обманываю». Понеслось! Крики, призывы к совести, активная жестикуляция руками,

оба выходцы с гор. Наконец прозвучала коронная фраза Маги: «Депорта захотел? Быстро организую».

«Депортация» — ненавистное слово в среде мигрантов; оно выводит из себя, как красная тряпка быка. Продавец моментально сник, побледнел, сумел в ответ едва слышно пробубнить: «Спасибо на добром слове». Миссию Мага выполнил: мигрант запуган. Мужики рассчитались и с гордо поднятыми головами покинули лавку, у хозяина которой реально нелады с документами, иначе бы не отреагировал на угрозу столь явно.

— У него никого в кишлаке нет, его маленьким вывезли, — пояснил «жинженер», как звал его Мага. У Дмитрия имелся диплом о высшем техническом образовании. Поначалу он мечтал найти работу по специальности. Диплом нострофицировать не удалось, у него тоже не было вида на жительство, и он очень быстро оказался на стройке, чему в глубине души был рад. Лопата и лом — мигрантский диплом: есть работа, крыша, еда и компания. Иногда выплачивают зарплату.

— Справку о прививках железно купить можно. Скажешь, нет? — не унимался Мага. — Я покупал, не пригодилась.

Мага не нашел надежный адрес прописаться. Прописка — главное препятствие паспортного марафона, остальные пункты в перечне документов — технические детали. Часть приезжих не выдерживают хождения по мукам, возвращаются к местам постоянной прописки. Стойкие — у кого проблемы с законом или с семьей — сжигают мосты бесповоротно, не помышляют о возвращении ни при каких обстоятельствах, если, конечно, не загремят под принудительную депортацию.

— Алибай, слушай сюда, как заработать деньги на документы. Требуются ловцы бродячих собак, зарплата пятнадцать тысяч, соцпакет, сам видел объявление. Устроишься ловить бродячих собак, все дела будут в ажуре. У тебя здорово получается ладить с собаками. Для себя берег объявление. Думаю, дай выручу. — Магу распирало от гордости, какой он добрый.

Мужики переглянулись, с интересом ожидая, что ответит парень. В самом деле, неплохой заработок. Парень встал, вышел вон. Во двор, к Алабаю. Алабай тоже из мигрантов, родился далеко от этих мест. Когда совхоз распался, главный хозяин предложил перебираться на исконную родину. Во всем виноват он и его рассказы про снежные зимы, охоту на волков, работу на свежем воздухе. Дети хозяина загорелись идеей ехать. Они не были коренными жителями тех мест, не владели языком, достойная работа доставалась им в последнюю очередь, несмотря на высокую квалификацию и трудолюбие. Опять хозяин виноват, сам был честнейшим трудягой и наследников к труду приручил капитально. Наследники решили рвануть в Европу. Благо прогремели теракты, в европейских посольствах были на редкость благосклонные к выходцам из их мест. Семья захватила с собой щенка, разительно похожего на алабая, рассчитывая дорого продать за границей, щенячий паспорт завели, хвост по традиции обрубили. В Германии подтвердить родословную щенка не смогли. Бумаги, бумаги! Содержать подростковую псину стало накладно. Изменилось отношение к нему и к старому хозяину, оба в тягость. У кобеля был шанс вырваться на свободу, у старика — нет. С благословения старика Алабай незаметно ушел из семьи.

Да и как доказать, что он истинный алабай? Их в Средней Азии, в этом древнем перекрестке дорог и народов, не осталось. Лишь предания о крепости, силе духа и красоте этих собак пересказывают в кишлаках. Как большинство людей и собак, Алабай — метис. В нем течет кровь сибирской лайки, добермана, восточноевропейской овчарки, московской сторожевой — нормальных служивых псов. «Женских» примесей от декоративных пекинесов и карликовых пуделей в нем нет. Эти не собаки, эти игрушки для забавы, их с рук не спускают, у них обязанностей никаких. Предки Алабая из

поколения в поколение верой и правдой служили людям и не дрались по пустякам. Он не был чистокровной азиатской овчаркой, хотя внешне очень напоминал: рациональное телосложение: мощный торс, крупная голова на коротковатой шее, крепкие ноги — качок, одним словом. За удивительную схожесть с алабаем строители прозвали собаку Алабаем.

Алибаем звали молодого сильного парня без правильных документов, который первым заметил пса, привел на стройку, где пес начал служить охранником и наравне с рабочими зарабатывал положенные ему ломоть хлеба и порцию похлебки. Пес и юноша, два одиноких молодых кобеля, почуввавших с первого взгляда родственную душу друг в друге, всюду ходили вместе. Сдержанные и воспитанные, не открывающие пасть по мелочам, физически выносливые, способные приспособиться к любым условиям и работодателям, теперь они были не одиноки. Они пересказывали друг другу дневные переживания, строили планы на будущее и, чего скрывать, играли, визжа от удовольствия. В незавершенном особняке отопление не было еще смонтировано, окна заклеены парниковой пленкой, дверные проемы занавешены тяжелыми одеялами, поэтому строители ночевали в бане, друзья предпочитали недостроенный дом, согревались, ложась рядом в пустынной комнате, зато никто не мешал храпом и полуночными разговорами.

Строили мигранты усадьбу. Вырыли отхожее место, затем поставили баню. Банный комплекс, не меньше, состоял из сауны, моечной, громадного холла, просторного дровяника. Хозяин планировал установить в холле бильярдный стол, пока вместо бильярдного стоял наспех сколоченный длинный стол, старый диван и телевизор. В дровяном складе рабочие устроили спальню. Но Алибай каждый вечер уходил в трехэтажный особняк думать думы. Дум о возвращении в кишлак он не допускал. Возвращение означало признание перед родственниками своей несостоятельности. Какой парень признается, что он лузер? Он исправит «а» на «и» в имени, «Алабая» на «Алибая», пропишется по надежному адресу и непременно выиграет гонку за паспортами для себя и для верного друга Алабая.

Дружба Алибая с Алабаем выдержала не одно серьезное испытание. Самым серьезным было то, что устроил бригадир. Он решил, что на стройке днем и ночью находятся люди, поэтому трудно проникнуть на стройку незамеченным и украсть стройматериалы, а толковый охранник нужен ему во дворе. Бригадир увез Алабая к себе, посадил на цепь. Пес устроил забастовку: опрокидывал миску, не притронувшись к еде, по ночам выл басом. На третий день взбунтовалась жена бригадира. Женщина не стала ждать мужа, чтобы он вернул бунтовщика на родину, повезла громадного пса на стройку, наняв такси. Выскочив из такси, Алабай вмиг запрыгнул Алибаю на плечи, повалил на лопатки, начал обниматься, целоваться, играть в шутку в вольную борьбу. Строители остановили работу, столпились во дворе, наблюдая, как не нарадуются встрече после долгой трехдневной разлуки друзья. Оба красавцы, настоящие атлеты, они послужат еще улучшению местного генофонда, людского и собачьего.

На следующий день бригадир вызвал Алибая:

— Я договорился о прописке. Не бесплатно, конечно, но не «резиновый» вариант. Деньги отдашь, когда сможешь. Плюс официально штраф за просрочку прописки заплатишь. — Бригадир сомневался, говорить или не говорить, решил: — Видеть не могу, как вы вдвоем дурачитесь. Как увижу, сразу вспоминаю, что я тоже еще не старый. А у меня дом, семья, стройка, висит вот где, — ударил себя по шее. — И пес твой тупой.

— Он не тупой. Алабай умный. — Пес выразил свое несогласие с первым и согласие со вторым утверждением звонким лаем.

— Нет, тупица. В наше время нельзя быть таким верным. Знаешь, какую я ему миску купил? Жена сколько просит, купи тефаль. Ей не купил, а псу самую дорогую миску выбрал, он мне голодовки устраивает. — Бригадир повернулся к кобелю, который подбежал к мужчинам, учуяв миролюбивый характер разговора, а так, на всякий случай, он старался не попадаться на глаза бригадиру. Пес пялился влюбленными зенками на мужчин попеременно. — Что, кобелина, радуешься? — Бригадир нагнулся к нему, растянул воинственно свисающие складки щек в улыбку. — Доволен, шантажист? Кланяться к людям ходил из-за вас. Ну, почему вы, звери, преданные? — Потрепал счастливейшего Алабая по загривку, тот сильнее завилял задом. — А люди продаются за три копейки.

— Он не человек.

— Вот именно. Не продажный, потому что зверь. Гуляйте! Чтоб глаза мои вас не видели.

Алибай не верил ушам Законная прописка! Победа! Вслух, тихо, от сердца пошли слова благодарности:

— Спасибо, накоплю, оплачу ваши расходы. Не смогу, пусть Бог вам вернет, — нужные бабушкины присказки сами вспомнились. — Бабушка говорила, если не от меня, Бог вернет вам добро за ваше добро. Бабушка учила нас давать собакам хаир, как людям. Спасибо и от Алабая. — Парень понимал, не он, рядовой мигрант, верный пес заслужил неожиданную милостыню.

Бригадир-татарин без перевода прекрасно знал значение слова «хаир». Совпадение или нет, но вечером ему позвонил сокурсник из Питера, предложил создать и возглавить бригаду сварщиков. Питерцы брались реконструировать крупнейшее предприятие города, работы не на один год, сокурсник гарантировал стабильно крутую по местным меркам зарплату. С тех пор бригадир при случае подкармливает бродячих собак, он уверовал, что милостыня собаке зачитывается как милостыня человеку. Существует или нет небесная бухгалтерия — вопрос спорный, однако очевидный факт, что дела бригадира пошли в гору.

Законная прописка упрочила статус Алибая. Он приоделся, стильно постригся. Они с Алабаем безбоязненно фланировали по улицам в выходные дни. Как-то в парке увидели старую знакомую Алабая Рыжую. Она подросла, вернее, казалась длинной-предлинной, потому что, лежа на боку, вытягивалась во весь рост до последнего миллиметра, потом резко сжималась, соединяя все четыре лапы, округляя спинку, снова вытягивалась, снова сжималась, с каждым разом ускоряя темп. Алибай подошел ближе, кивком спросил, что с ней. Рыжая повернула голову в его сторону, несколько раз быстро-быстро вытянулась-сжалась, вытянулась в струнку и... замерла. Теперь Рыжая широко открывала пасть, чтобы мякнуть, но ни одного звука не выходило из предельно раскрытой пасти. Немой хоррор! Алибай взглянул ей в глаза, поразился доселе не виданным глазам: зрачок расширился почти до границы радужной оболочки, только если напрячься, можно было узреть тонюсенький ободок из хризопраза вокруг громадного черного зрачка. Рыжая, вытянув голову в сторону визитера с безмолвной благодарностью — они пришли сочувствовать ей, скрасить последние моменты, она умирает не в одиночку, — смотрела, не отрываясь, прямо в глаза Алабая. Друзья простояли до финала, когда кошечка дернулась легонько напоследок и замерла окончательно. Друзья вырыли под деревом яму, похоронили в ней Рыжую, воткнули в изголовье крупный бульжник.

Пошли дожди. «Рыжая мокнет под дождем, будет мерзнуть под снегом», — образ умирающей кошки не выходил из головы обоих. Кто довел до гибели юную кису? Кому перебежала дорогу? У кого поднялась рука избить ее? Однозначно: над ней измы-

вались люди, скорее всего, детеныши людей, дикари. Более некому. Не похоже, что Рыжая попала под машину, ран не было видно. Впрочем, водители в грош не ставят жизнь собак и кошек. И порой людей.

Рыжая нравилась Алабаю, она немного кокетничала с ним. Кокетство — естество настоящих кошечек. Он сам был не против пофлиртовать с нею, то есть понарошку догонять и громко лаять ей, взобравшейся на дерево. Если это не флирт, тогда почему, когда киса останавливается, пес синхронно прекращает бег, стартует киса, стартует пес. Разумеется, есть стервы, которые специально провоцируют кобелей, те преследуют их всерьез. В старости стервы становятся драными кошками. Люди неправильно думают, что кошка с собакой не выносят друг друга. Они прекрасно уживаются, например, в деревнях, где еды и воли завались. Правда, кошки и собаки по-разному оценивают семью, в которой им выпадает жить. Кошки мечтают: «Хорошо, если не будет маленьких детей! Меня будут любить, как малое дитя, на руках носить». Собаки, напротив, считают: «Хорошо, что в доме полно маленьких детей! У них всегда в руках вкусняшки, они их постоянно роняют, мы угощаемся, дети млеют от удовольствия». Разные существа кошки и псы, но не враги между собой. Их общий враг — человек.

После похорон Рыжей Алибай и Алабай заболели, у обоих начался жар, судороги, мучил кашель. Алибай пошел в поликлинику. Доктор послушал его хрипы, начал выписывать направление на госпитализацию. Бдительная медсестричка нагнулась к врачу, секретно шепнула: «Иностранец». Эскулап развел руками. Во врачебном кабинете возникла театральная пауза, которую прервал Алибай. Он развернулся и ушел из кабинета ни с чем. Облом! Лечения не будет. Он — никто, и имя у него натурально собачье!

Из-за неудачи с поликлиникой Алибай разболелся сильнее. Надо лечиться, больной работник на частной стройке долго не протянет, надо расстаться с неприкосновенным запасом. На шее Алабая, в густом подшерстке висела массивная золотая цепочка, почти цепь. Перед отъездом из Гамбурга ее нацепил тамошний друг Алабая, бродяга, с которым они коротали ночи возле ювелирного магазина янтарных украшений. Янтарный магазин весь светился ярким желтым светом, будто солнышко поселилось в нем. Солнечный магазинчик и бродяга со спальным мешком — самые приятные воспоминания Алабая из гамбургского периода его скитаний. Бродяга снял с шеи последнюю ниточку, связывавшую его с бывлым благополучием, надел на молодого кобеля: «Увидят золото, приютят. Ты служака, не бродяжничай больше. И не жалея меня, не лижи. Я не жалею, что бродяга, это мой выбор, а ты беги, раз нет в тебе породы и драться не любишь». Бродяга заплатил перегонщикам подержанных машин, чтоб собаку вывезли из Европы, вместо прощальных слов дал пендель псу под зад: «Пшел отсюда, вульфсон», что в вольном переводе с немецкого на русский звучит известно как — «с... сын». Цепь затерялась на шее Алабая в целостности и сохранности. Поди попробуй подойти к крупному реактивному кобелю, потерявши шею, если с головой не дружишь.

Алибай нащупал тайное сокровище, снял, отмочил в стиральном порошке, прошелся жесткой щеткой и заблестевшую цепь отнес в ломбард. На вырученные деньги Алибай купил лекарства, которые продиктовали коллеги-строители. После недолгих раздумий заключил, что лекарства для него подойдут и Алабаю. Врач однозначно тогда поставил диагноз: «Запущенный бронхит, редкий „собачий“ кашель». Вправду кряхтели друзья одинаково глухо. Алибай самостоятельно делал уколы себе и псу, заворачивал таблетки в мясной фарш и совал в пасть Алабая, свои просто глотал.

Во время болезни Алибаю снился один и тот кошмар.словно три богатыря из васнецовской картины, три цветка на тонких прозрачных трубочках от медицинских капельниц неотвратимой поступью приближались к краю поляны, где стоят Алибай с Ала-

баем. Спinoй парень уперся в шлагбаум, по ту сторону которого выстроились пограничники. Они не пускают их через шлагбаум, рычат: «Паспорт, давай паспорт». Цветки растут в масштабе, превращаясь в свирепых громадин. Осталось чуть-чуть, цветы затопчут их, и если продолжат победоносный марш, сметут шлагбаум, затопчут и их, и пограничников насмерть. Спереди цветы-чудовища. Сзади, Алибай оборачивается назад, трое караульных волкодавов рвутся разорвать Алабая. Пограничники открыли огонь по ним, пули бьют в грудь, грудь болит, пули отскакивают от бронежилета, бронежилет спасает, но стескивает дыхание. От ужаса, что сейчас будет, он покрывается потом. «Что будет, то будет, — мысли лихорадочно проносятся в голове, — выхода нет, конец». Он приготовился погибать, он уже в могиле, пограничники взялись за лопаты, чтобы забросать его. В этот самый крайний миг кто-то коснулся его щеки. Алибай проснулся. Алабай лизал друга. Парень, как маленький ребенок, обрадовался спасению от беспощадных цветков. Звериное чутье подсказало псине, что пора прекратить расстрел парня. Постепенно жар ушел, реальная и бредовая опасности растаяли, кризис миновал. Алибай и Алабай выздоровели, стали жить дальше.

Пришла весна. Весной пришло письмо из миграционной службы, что Алибай удостоивается вида на жительство иностранного гражданина. Еще не гражданин, но уже как бы не иностранец. Он записался на курсы сварщиков, посоветовал бригадир, снял комнату, переехал туда жить с Алабаем. Парень не смог доказать породистость родословной друга, но нормальный собачий паспорт оформил. Днем Алибай учится на курсах, ночью с Алабаем охраняет склад ковров. И ни одна собака не может придраться к их документам.